

УДК: 94(438).04

Прохоренков И.А.¹

**ВОЙНЫ ЗА ПРИБАЛТИКУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА В
ХРОНИКЕ АЛЕКСАНДРА ГВАНЬИНИ:**

**«...а с тех времен земля Инфлянтская² Польше и Литве всегда
принадлежала и принадлежит»³**

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Prohorenkov I.A.

**THE WARS FOR LIVONIA IN THE SECOND HALF OF THE XVI CENTURY
IN THE CHRONICLE BY ALEXANDER GUAGNINI:**

**"...And from that time the Livonian land to Poland and
Lithuania has always belonged"**

Institute of History, St. Petersburg State University

Реферат: Знаменитый афоризм Марка Туллия Цицерона «Где хорошо, там и Отечество» итальянский эмигрант Александр Гваньини вполне мог бы взять себе за жизненное кредо. Покинув родную Верону в 19 лет, будущий хронист обрел свой новый дом в далеком Польском королевстве, переживающем трудные времена эпохи Ливонской войны. Натура страстная и увлекающаяся, Александр Гваньини сразу же решил послужить своей новой Родине мечом, а не удовлетворившись только этим, позже взялся еще и за перо. С этого момента и начинается дело всей жизни Александра Гваньини.

¹ Прохоренков Игорь Александрович — бакалавр истории, лаборант-исследователь, студент 2-го курса магистратуры ИИ СПбГУ по направлению: история, историческое регионоведение и историко-культурный туризм.

² Инфлянты (польск. «Inflanty») — польское географическое название, синонимичное русскому «Ливония» - территория современных Эстонской и Латвийской республик.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований: «“Свои” и “чужие”: феномен пограничья в средние века и раннее новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов», проект 15-21-01003 а(м).

Данная статья посвящена исследованию одного из аспектов творчества Гваньини, а точнее — соотношению оригинального текста итальянца с «позаимствованной» им рукописью хроники Матея Стрыйковского. В ходе изучения и сравнения разделов о Ливонской войне в трактате Гваньини 1611 года (последнее прижизненное издание) и аналогичных глав «Хроники литовской, польской, жмудской и всей Руси» (1582 г.) Стрыйковского, можно выделить самобытный стиль и собственные идеи итальянца: на страницах своего произведения Александр Гваньини превращается в самого настоящего идеолога борьбы Речи Посполитой за Прибалтику.

Ключевые слова: Александр Гваньини, Матей Стрыйковский, Ливонская война.

Abstracts: The famous aphorism of Mark Tullius Cicero «Ubi bene, ibi patria» could be taken by the Italian emigrant Alexander Guagnini as a creed. After leaving his Fatherland at the age of 19, the future chronicler found the new homeland far north — in the Polish Kingdom, which was suffered in this time from the miseries of the Livonian War. The passionate nature, Alexander Guagnini immediately started to defense his new home with the sword, and some years after — with a quill. That was the turning point in the Gwagnini's life.

This article is devoted to the studying of one of the aspects of Guagnini's composition. Its aim — the investigation of the relations between the original text of Italian and the «borrowed» manuscript of Maciej Strykowski. During the comparison of the fragments about the Livonian War in the Guagnini's «Cronicle of Sarmatian Europe» (1611) and the similar chapters of «Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all of Ruthenia», written by Strykowski, we can see the original text and ideas of Italian. In his chronicle, Alexander Guagnini turns into the real ideologist of the Baltic's conquest by Polish-Lithuanian Commonwealth.

Key words: Alexander Guagnini, Maciej Strykowski, Livonian War.

Миграция интеллектуалов — процесс, ставший в наше время объектом многих острых дискуссий и настоящей проблемой в современной политике, был в той или иной мере присущ каждой исторической эпохе. Зачастую это явление приводило к интереснейшим ситуациям и культурным парадоксам. Одному из таких случаев и посвящена настоящая статья: речь пойдет об Александре Гваньини, итальянском эмигранте, вставшем в авангард историографов Речи Посполитой, пишущих историю на национальном языке. Влияние и заслуги этого автора столь обширны, что он по праву считается неотделимой частью польской истории культуры эпохи Возрождения, а его исторические труды позво-

лили ему прочно занять нишу национального историографа наряду с такими почитаемыми в Польше именами как Матей Стрыйковский и Мартин Бельский.

Родился Александр Гваньини в дворянской семье среднего достатка в Вероне в 1534 году [3, с. 6] (по другим данным — в 1538 г. [5, с. 309]). Основателем рода считается дед хрониста — Амброджо Гваньини де Риццони (1481 — после 1529 гг.), у которого было шесть сыновей. Старший сын унаследовал от отца имя и тягу к ратному делу, а также большую часть его имущества. Наследник рода де Риццони рано женился — результатом союза Амброджо Гваньини-младшего (1503 — после 1578 гг.) и его возлюбленной Бартоломеи (кроме имени ничего о матери Александра Гваньини не известно) стали трое детей — будущий хронист и две его сестры — Франческа и Клара. Амброджо не жалел средств на образование своего единственного сына, Александр Гваньини прекрасно знал несколько европейских языков — немецкий, итальянский и латынь, позже освоил польский, а также по некоторым предположениям мог владеть и русским [2, с. 4]. Кроме того, Александр проявлял заметные успехи в изучении географии и математики, на польской службе его отличал природный талант к инженерному делу. Наконец, благодаря личным урокам отца, Гваньини был искусным фехтовальщиком и прекрасно владел шпагой [3, с. 6].

Рис. 1. Герб Александра Гваньини

Рис. 2. Александр Гваньини. Гравюра неизвестного автора XVII века.

В 1555 году Амброджо Гваньини покидает родину по причине банкротства. Путь отца хрониста лежал в Польшу, где мать короля Сигизмунда II Августа, итальянка Бона Сфорца, охотно приближала ко двору своих бывших соотечественников. Вслед за отцом, в 1557 года в Польшу переселился и Александр Гваньини [8, с. 110] (другие данные — в 1561 г. [9, с. 53]). Служба при дворе польского короля у будущего хрониста началась как раз в преддверии Ливонской Войны (1558—1583), с которой в основном и связана выдающаяся карьера итальянца. Не смотря на то, что военное время было важнейшей вехой в жизни Гваньини, его биография в этот период известна нам лишь в предельно общих чертах. После начала Ливонской войны Гваньини по протекции великого коронного гетмана Миколая Сенявского был принят на военную службу. Мы встречаем будущего хрониста в числе осаждающих замки Таурус (1561 г.), Великие Луки и Езерище (1564 г.), Гваньини был замечен во время взятия Полоцка, Невеля и Велижа [3, с. 7]. Итальянский наемник был свидетелем многих эпохальных событий в истории Польши, важнейшее из которых — заключение Люблинской унии в 1569 году, при котором Гваньини присутствовал лично. После битвы на Уле, Гваньини остается в качестве коменданта в Витебской крепости, где по собственному признанию, он провел 18 лет [12, с. 25].

После окончания войны в жизни Гваньини происходит важная перемена — получивший индигенат¹ итальянский дворянин переезжает в Краков (в котором и останется до конца своих дней), чтобы навсегда отложить меч и взяться за перо. Закончилась история Гваньини-солдата и началась история Гваньини-хрониста.

Главный труд Александра Гваньини, его «*Kronika Sarmacye Europskiey*», интересна не только ввиду своего содержания, внимание историков привлекают и обстоятельства ее создания, а точнее тот скандал, который разразился сразу после выхода первого издания хроники. Речь идет о знаменитом споре между Гваньини и Матеем Стрыйковским (который служил в Витебском гарнизоне под началом Гваньини), когда последний обвинил Александра Гваньини в литературном плагиате. Подробно на этом останавливаться мы не будем, стоит лишь упомянуть, что данная проблема получила широкое освещение в историографии (этим вопросом занимались украинские историки О.О. Дячок [4, 5] и Юрий Мицик [9], польский исследователь Ян Юркевич [13], констатировали факт плагиата ученые Д.В. Карнаухов [7] и Сергей Ковалев [6]).

¹ Индигенат — привилегия в Польше, по которой иностранец мог пользоваться теми же правами, что и польские дворяне

14 июля 1580 года суд разрешил спор в пользу Стрыйковского, но хроника продолжала издаваться под авторством Гваньини и в дальнейшем получила множество переизданий (1581, 1582, 1584, 1600 гг.), важнейшее из которых — издание 1611 года, переведенное на польский язык. Это было последнее прижизненное переиздание труда Гваньини, созданное им в соавторстве с поэтом и переводчиком Марчином Пашковским. Если мы и можем назвать решение королевского суда по поводу трактата 1578 года издания справедливым, то к 1611 году следы Стрыйковского не так очевидны в хронике, Гваньини и Пашковский перерабатывают материал, создавая теперь уже куда более оригинальное произведение. Издание 1578 года состояло из 7 тематических разделов, разместившихся на 203 листах формата in folio. «Kronika Sarmacye Europiskiey...» 1611 года — это 10 книг и 852 страницы текста.

Гваньини не забывал, что своим положением он во многом обязан королевской власти: на протяжении всей хроники он остается верным апологетом действий польского правителя (особенно это видно в главах, посвященных Стефану Баторию [12, с. 194—219]). Другое амплу итальянца-хрониста — ветеран Ливонской войны, который не понаслышке знает, что такое полевое сражение. Гваньини испытывает острую неприязнь в отношении главного противника Речи Посполитой на востоке — правителя Московии Ивана IV «Тиранида», на чьи «беззакония» он обрушивается в пятой книге «SED» — «Описание Московии» [2]. Наконец, синтезом всех вышеперечисленных черт Гваньини и отражением его политических симпатий и антипатий является материал в хронике, посвященный Ливонской войне, где автор, выражаясь современным языком, превращается в самого настоящего идеолога борьбы Речи Посполитой за Прибалтику.

По хронологии следует начать с первого издания «SED»¹ в 1578 году. Несмотря на то, что материал хроники позаимствован у Стрыйковского, в некоторых местах мы можем услышать и голос самого Гваньини. Примером для подтверждения этого тезиса нам послужит содержание его знаменитого «Описания Московии». Большую половину V книги своей хроники Гваньини посвящает обличению тирании Ивана Грозного (В то время как в хронике Стрыйковского сделаны другие акценты). При описании фигуры Московского царя, хронист смешал литературный талант с сильнейшей личностной антипатией, в результате чего получились красочные картины зверств Ивана IV, ужасавшие современников. Всю книгу может представить одна глава — «О тяжком преступлении и величайшей

¹ «SED» — принятое в отечественной историографии сокращение названия хроники Александра Гваньини «Sarmatiae Europaeae Descriptio»

жестокости, которую совершил этот верховный князь над пленными литвинами, русскими и поляками». Чтобы «насытить свою кровожадную душу» [2, с. 111], Московский Царь жесточайшим образом умертвляет пленников, «которые были в тюрьмах Переславля, Ростова, Углича, Костромы; — все это были поляки, литовцы и русские» [2, с. 112]. После этого он расправляется с их женами и детьми, тирана не смягчают двухчасовые молитвы женщин, все нашли свою смерть в ледяных водах Москвы-реки. Даже население Москвы смотрит с рыданиями за разразившейся трагедией, на что царские «приспешники» грозятся повторить подобное с ними.

Непосредственных описаний хода войны за Прибалтику у Гваньини в хронике 1578 года почти нет, тогда хронист ставил перед собой только одну задачу — обрушиться с обличениями на голову Московского монарха.

И тем более разительный контраст являет нам материал хроники 1611 года издания. 29 лет прошло с момента подписания Ям-Запольского мира, когда в 1611 году вышло последнее и самое полное прижизненное издание «*Kroniky Sarmacyeu Europckiey*». Александр Гваньини, теперь уже проживавший в Кракове, был одинаково хорошо вооружен документальными материалами и личными воспоминаниями о Ливонской войне. Стоит отметить, что к тому моменту Гваньини уже было 73 года, и почтенный возраст принудил хрониста искать себе помощника. Таким человеком для Гваньини стал Марчин Пашковский — польский поэт и переводчик, оставивший после себя два десятка рифмованных произведений, но до сих пор остающийся нерешенной исторической загадкой: вопросы возникают не только по поводу его творчества и биографии, но даже и в связи с количеством единовременно существовавших Марчинов Пашковских [14, с. 19—26].

В ходе доработки хроники, Гваньини и Пашковский проделали действительно большую работу и добились впечатляющих результатов. Сравнение текстов прижизненных изданий хроники Гваньини показывает, что новый материал в последней редакции трактата (1611 год) итальянца составляет около 40 % по отношению к оригинальной «*Sarmatiae Europaeae descriptio*». Появляется новый текст, и вслед за ним закономерно возникает вопрос: кто его автор? Каково соотношение авторства относительно нового материала между Гваньини и Пашковским? До сих пор этот вопрос остается нерешенным [10]. Традиционно исследователи допускают право Марчина Пашковского на создание появившихся турецких разделов, в то время как к заслугам ветерана-Гваньини относят новые сведения относительно Ливонской войны.

Итак, в финальном варианте труда Гваньини появляются новые разделы, посвященные событиям в Прибалтике. Первое, что необходимо отметить — это отношение хрониста к войнам за этот регион в целом. До Ливонской войны он практически не обращает на них внимания, а градус пристрастия в его тексте куда меньше. Даже противостояние в 1519—1521 годах с Орденом, заклятым врагом Польши в Прибалтике, у Гваньини опускается, и все сводится к лаконичной констатации: Магистр Альбрехт «...после великих и долгих войн с поляками увидел, что бесполезно мотыгой метать в солнце, и королю Польскому в Кракове присягу принес...» [16, с. 104—105]. Второй момент — это изменение оптики хрониста при описании периода уже Ливонской войны: как мы отмечали ранее, в издании 1578 года повествование в основном идет с Московской стороны, теперь же — со стороны польско-литовской.

Новинкой в издании 1611 года оказывается «Книга V. Часть II. В которой говорится о войне внутри земли Инфлянтской и причине начала войны Короля Польского против Магистра Инфлянтского» [12, Książ V. Część II. с. 17—25]. Начинает Гваньини описание событий с 1556 года, когда «Магистр Инфлянтский, со всеми Братями Немецкими ордена Крестоносцев и с шляхтой, после принятия веры Лютеранской, Архиепископа Рижского, товарища своего, из-за веры Лютеранской отверг» [12, Książ V. Część II. с. 17]. Таким хронист видит начало конфликта, названного современниками «кокенхузенской войной», или «войной коадьюторов» [1, 11]. Гваньини подчеркивает, что агрессия началась именно со стороны Ордена, однозначно указывая виновника, что прочно вошло в польскую историографию. Магистр держит пленного архиепископа в ужасных условиях, мародерствует на его землях, и даже простой народ Инфлянтский, «...zgwałciwszy prawo Boże y prawo ludzkie...»¹ [12, Książ V. Część II. с. 18] в это смутное время, убивает на дороге беззащитного королевского посланника.

Далее Гваньини пишет, что, к счастью, дело не дошло до военных столкновений, так как сердце магистра дрогнуло от известий о величине приближающейся польской армии. Магистр по требованию короля смиренно прибывает к нему в лагерь, просит милости, и, разумеется, получает ее: «Wszakże iż by to rozumiał, że my rozlania krwi Chrześciańskiej nie pragniemy...»² [12, Książ V. Część II. с. 19].

¹ Польск. «...презрев (утеряв) закон Божий и законы людские...»

² Польск. «...Всякому же чтобы было понятно, что мы пролития крови христианской не допустим...»

В этой же новой книге важен еще один фрагмент: Гваньини обосновывает вступление Польши в войну против Москвы. «Когда эти новости до короля дошли [вторжение Москвы на территорию Ливонии в 1558 году. — Прим. автора], жалость ему сердце сжала, лишь только увидел он, что *нельзя было оставлять людей Инфлянтских* [курсив автора — И.П.], но их силы со своими объединить нужно было, и не покусился бы тогда на землю Инфлянтскую Московит. Народ Инфлянтский тоже увидев, что сами они справиться не смогут, и что от Императора помощи получить не удастся, по совету и разрешению того Императора отправились к королю Польскому с просьбой, чтобы он их под свою защиту принял» [12, Książ V. Część II. s. 22]. Гваньини подчеркивает, что Польша вступила в справедливую войну, а Ливония приняла военный протекторат Польши и позже волилась в Польско-Литовскую державу сугубо добровольно.

Теперь обратим наше внимание на генеалогию текста, и снова вернемся к сложным отношениям между двумя авторами: Матеем Стрыйковским и Александром Гваньини. В хронике Стрыйковского мы находим очень близкий материал к приведенным выше известиям из труда Гваньини (табл. 1):

Таблица 1. Сравнение фрагментов из хроники А. Гваньини и М. Стрыйковского	
Guagnini, 1611. Książ V. Część II. S. 17.	Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. S. 409
Mistrz Inflantski ze wszystką Bracią Niemiecką zakonu Krzyżackiego y z szlachtą po przyięciu wiary Luterskiey przeciw Arcybiskupowi Ryskiemu Colledze swemu iz nauką Luterską wzgardził powstał	Roku 1556, Wilhelm Furstemberg mistrz Liflandski, jako skoro ze wszystkimi kontorami i z zakonem Krzyżaków swoich wiarę luterską przjął, zarazem na arcibiskupa... Wilhelma... powstał.
A ten Arcybiskup z wielmożney familiey Margrabiow Brandeburskich rodzaj swoy prowadził : bo był Bratem Olbrachta Margrabiego Brandeburskiego niekiedy zakonu Krzyżackiego Mistrza : a potym Xiążęcia Pruskiego a krola Polskiego brata Ciotczonego.	A szukając na niego przyczyny złożył siem walny w Wendzie stolecznym zamkie swoim, ktory dziś naszym Kiesią zowią, na którym postanowił wojnę na arcybiskupa podnieść, kładąc nań tę potwarz, jakoby on Liflanty chciał wydać krolowi Polskiemu, a Kurlandy bratu xiążęciu Pruskiemu.

<p>Roku tedy po narodzeniu Chrysta Pana 1556. Po s. Ianie Chrzęcięciu Wilhelm Furstenberg ze wszystkim zakonem swym y z Hetmanem Derptskim y Rewelskim y z Habsalskim Biskupami yz szlachtą Inflantską na Seymie sie o tym naradziwszy mocą wszystkich wyciągnął przeciw Arcybiskupowi Ryskiemu u wtargnął mu w Prowincyą Ryską którą pustoszył obyczaiem nieprzytaęielskim do czego mu y Biskupi przerzeczeni obawiając sie go pomagali.</p>	<p>A tak roku 1556. Po Ś. Ianie Chrzęcięciu, Wilhelm Furstenberg ze wszystkim zakonem swoim y z Hetmanem Derptskim y z Rewelskim y Habsalskim biskupami y z szlachtą Inflantską wciągnął w ziemie Rigeńska arcybiskupią obyczajem nieprzyjacielskim</p>
<p>Arcybiskup też acz byl umyślił w polu bitwe dać bo miał przy sobie szlachty niemalo ale widząc iz nie rowno obzonną ręką do Kokenhauzu zamku swego nad Dzwinaę uchodził tamże się zamarł.</p>	<p>Arcybiskup też, acz byl umyślił polną bitwą potykać, bo miał przy sobie szlachty niemalo, ale widząc nie rowno, uchodziło bronną ręką do Kokenhauzu zamku swego nad Dzwinaę uchodził, tamże się zamarł.</p>
<p>A Mistrz go wielką mocą dobywał¹</p>	<p>A Mistrz go wielką mocą dobywał</p>

Другой фрагмент (табл. 2):

Таблица 2. Сравнение фрагментов из хроники А. Гваньини и М. Стрыйковского	
Guagnini, 1611. Książ V. Część II. S. 18.	Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. S. 410.

¹ Польск. «Магистр Инфлянтский, со всеми Братьями Немецкими ордена Крестоносцев и с шляхтой, после принятия веры Лютеранской, против Архиепископа Рижского, товарища своего, презрением преисполнился. А этот Архиепископ происхождение имел от Вельможного рода Маркграфов Бранденбургских, ибо был братом, Альбрехта Маркграфа Бранденбургского, бывшего некогда магистром ордена Крестоносцев, а позже ставшим князем Прусским, также приходившимся двоюродным братом королю Польскому. В год 1556 от Рождества Христова после праздника Святого Иоанна Крестителя, Вильгельм фон Фюрстенберг, после совета на Сейме, вместе со своим Орденом, с гетманом Дерптским, Ревельским и Гапсальским, с епископами и шляхтой Инфлянтской, все свои силы собрал против Архиепископа Рижского и вторгся в Рижскую провинцию, которую разорил подобно врагу, в чем ему и епископы упомянутые, опасаясь его, помогали. Архиепископ, хотя и думал дать врагу отпор в поле, ибо при себе имел шляхты не мало, всё же увидел, что силы не равны, посему двинулся к замку Кокенгаузену над рекой Двиной, где и остался. А Магистр тот великую силу собрал...»

Przeto krol Polski Zygmunt August skoro się od Marszałka zakonu Krzyżackiego (ktorego był Mistrz ze wszytkiego wyzuł y wygnal dla tego iz podnieśienia woynę przeciw Arcybiskupowi odradzał) o tym dowiedział tak srogiego więzienia Xiążęcia Brata swego Ciotczonego serdecznie żalował y ulitowawszy siego posłał do Mistrza męża iednego zacnego z Polski na imię Kaspra Łackiego :	Ale mistrz nie bacząc ani jego pokorę, ani na xiążęcią godność i primatską, naszydziwszy się z niego, trzymał go w więzieniu mało nie cały rok, wszystkie mu miasta i zamki i majątności pobrawszy. Przeto krol August naprzód posłał Kaspra Łackiego do mistrza, dla wyswobodzenia arcybiskupa Rigeńskiego, brata ciotczonego.
<u>Ale Inflantczycy zgwałciwfsy prawo Boże y prawo ludzkie Łackiego na drodze zabili niż do Mistrza doiachał.</u>	<u>Ale Inflantczycy zgwałciwfsy prawo Boże y prawo ludzkie Łackiego w drodze zabili nisz do Mistrza dojachał.</u>
<u>Za tym despektem posłał ieszcze Krol znowu do Mistrza Biskupa Zmudzkiego ktory gdy rozmaitemi racyami iako o zabicie Łackiego tak też o wyswobodzeniu Arcybiskupim imieniem Krola Pana swego z Mistrzem traktował ¹</u>	<u>Za tym despektem posłał jeszcze krol Biskupa Zmudzkiego do mistrza, ktory takze o zabicie Łackiego, jako o wyzwolenie arcybiskupa</u> wiele pracowal, ale dla hardości Niemieckiej próżno zaś do króla przyjachał.

Очевидно, что либо Гваньини списал большую часть со Стрыйковского, либо оба хрониста пользовались третьим автором. Но даже столь очевидный факт плагиата не обесценивает известия Гваньини, а наоборот, позволяет нам ближе подойти к раскрытию темы настоящей статьи: при очень близкой подборке фактического материала в начале, оба хрониста делают позже совершенно разные акценты идейного характера.

Хроника Стрыйковского куда богаче материалом по военным действиям Ливонской войны: автор добросовестно по годам расписывает события, описывает битвы и столкновения, победы и поражения литовского и польского оружия. В этих разделах Ма-

¹ Польск. «Про это король польский Сигизмунд Август скоро через Ландмаршала (Marszałka) ордену Крестоносцев (которого Магистр обидел и выгнал за то, что он отказался против Архиепископа выступить) узнал, против несправедливого пленения родственника своего брата двоюродного искренне возмущился, и сжалившись над ним, послал к Магистру мужа знатного из Польши, по имени Каспар Ланский. Но люди Инфлянтские Закон Божий и законы человекчи забыли, так как убили Ланского прямо на дороге, что он даже до Магистра доехать не успел. Затем оскорбленный король снова отправил посланцем к Магистру Епископа Жмудского, который переговоры вел от имени своего короля — Господина с Магистром, и многие вопросы с ним обсуждал, такие как убийство Ланского и освобождение Архиепископа»

тей Стрыйковский лишней раз доказывает, что вовсе не случайно именно он носит титул первого крупного историографа ВКЛ: в подборке и интерпретации материала пролитовские симпатии автора очевидны. Стрыйковский воздает честь героям с литовской стороны (Иероним Ходкевич, Николай Радзивилл Черный) и подчеркивает победоносную роль своих соотечественников в крупных сражениях (победа на Уле).

Совершенно по иному принципу составлял свой труд Гваньини. В хронике куда меньше деталей и фактографии, чем у Стрыйковского. Хронист представляет только короля действительно важным действующим лицом, польскую армию и воевод — его верными инструментами, а саму борьбу за Инфлянты — очевиднейшей и первостепенной задачей для укрепления государства и защиты от буйного восточного соседа. Более того, Инфлянтская земля сама высказалась за военный патронаж со стороны Польши: войну за Прибалтику нельзя назвать иначе, кроме как справедливой!

Апологию королевской власти и полную поддержку действиям короля мы можем найти в совершенно разных книгах хроники. Другой пример, о котором необходимо упомянуть — это разделы, посвященные Стефану Баторию. На страницах хроники оживает образ мудрого и милосердного короля-богатыря. Для большей экспрессии Гваньини использует контраст и идет на прямое сравнение Батория с самым ненавистным для хрониста правителем — Иваном Грозным. После взятия Иваном IV замка Валмиера, гарнизону было приказано разделиться на две части, «проголосовать ногами»: кто желал остаться верным присяге и польскому королю — тот должен был занять одну сторону, кто хотел бы поддержать Магнуса Датского — другую. После разделения гарнизона на две части, те, кто остались верны польской короне, были схвачены и отправлены в заключение в Москву. Точно такую же картину рисует хронист в 1579 году, после взятия Полоцка поляками, только теперь приказ исходит из уст Стефана Батория. Кто желает сдаться и остаться в Польше — в одну сторону, кто остается верным Московскому государю — в другую. Как только разделение заканчивается, король милует *всех*, а народ дивится христианской добродетели Польского короля [12, с. 208—209].

Александр Гваньини не забывает упомянуть и о своем личном знакомстве со Стефаном Баторием. Не без гордости хронист замечает, что сам был участником завершающей войну кампании, и когда король находился под Великими Луками, то Гваньини лично подарил Баторию свою латинскую хронику, посвященную ему же [16, с. 172].

Война близилась к завершению, а повествование Гваньини превращается в перечисление польских побед, славнейшие из которых пришлось на 1579—1582 годы. Москва

разбита и теперь помышляет только о том, как бы скорее завершить войну при посредничестве Рима.

С подписанием Ям-Запольского перемирия литературная миссия Гваньини не прекратилась: хронист не был знаком с современным концептом Ливонской войны, и не знал, что она закончилась. Интересно отметить, что с вторжения Ивана Васильевича в Ливонию в 1558 году, и до похода польского короля Сигизмунда III на Смоленск (1609—1611) — все это один единый период военного конфликта для Гваньини. Александр Гваньини продолжал обрушиваться на Москву, а с присоединением к работе над хроникой Марчина Пашковского, обличения приобрели еще к тому же и рифмованную форму. Удивительно, но, таким образом, именно в лице итальянского эмигранта-наемника — Александра Гваньини, Речь Посполитая получила одного из наиболее ярых защитников ее внешнеполитических интересов в публицистической литературе.

Рецензенты:

Филюшкин А.И., докт. ист. наук, профессор, зав. каф. истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Вебер Д.И. канд. ист. наук, ассистент кафедры религиоведения Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Список литературы

1. Вебер Д. И. Немецкий орден в Ливонии от Реформации до секуляризации: дис... канд. ист. наук. СПб., 2014. 260 с.
2. Гваньини, Александр. Описание Московии / Пер. с лат., вводная статья и коммент. Г.Г. Козловой. Москва: Греко-латинский кабинет, 1997. 176 с.
3. Гваньїні, Олександр. Хроніка європейської Сарматії / Відп. ред. В.А. Смолій; Упорядк. та переклад з польської о. Юрія Мицика. Національний університет «Києво-Могилянська академія», 2007. 1006 с.
4. Дячок, О.О. Проблема авторства «Опису Європейської Сарматії» в історіографії // Осягнення історії. Острог; Нью-Йорк, 1999. С. 251—262.
5. Дячок О.О. Хронист Алессандро Гваньини // Український археографічний щорник. Вип. 8/9. К.; Нью-Йорк, 2004. С. 308—319.

6. Кавалёв, С.В. . Шматмоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага эпохі Рэнэсансу. Мінск, 2010. 376 с.
7. Карнаухов, Д.В. История русских земель в польской хронографии конца XV — начала XVII вв. Новосибирск, 2009. 230 с.
8. Ковальский Н.П. Известия по истории и географии Украины XVI века в «Хронике Сарматии Европейской» Александра Гваньини // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972. С. 110—122.
9. Мицик Юрій Андрійович. Початки Польської держави за хронікою Олександра Гваньїні // Пам'ятки. Археографічний щорічник. 2005. № 5. С 53—84.
10. Прохоренков И.А. Загадка соавтора «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини (по поводу книги Михала Курана «Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku») // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1. С. 193—205.
11. Филюшкин А.И., Попов В.Е. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 г. // Studia Slavica et Balcanica. № 1. СПб, 2009. С. 151—185.
12. Guagnini, A. Kronika Sarmacyey Europejskiej, w ktorej sie zamyka krolestwo Polskie.....: Tudziej tez Wielkie Xiestwo Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y czesc Tatarow..... z Lacinskiego na Polskie przelozona (par Marcin Paszkowski) / Alex. Guagnini; Marcin Paszkowski. Krakow, 1611. 333+124+47+66+55+93+38+87 (843) s.
13. Jurkiewicz, J. Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa Sarmatiae Europae Descriptio (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 71—90.
14. Kuran, M. Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź, 2012. 664 p.
15. Strykowski, Maciej. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T.II. 572 p.
16. Zbiór dzieiowpisow polskich we czterech tomach zawarty. Warszawa, 1768. Tom IV. 740 p.